

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2023. № 3–4 (40–41), pp. 64–80. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 811.512.111

DOI 10.37892/2079-9160-2023-3-4-64-80

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОР

ЧУВАШСКАЯ НАРОДНАЯ ЛИРИКА: ЖАНРЫ И ИХ СИСТЕМАТИЗАЦИЯ

*Алексей Петрович Леонтьев*¹

¹ Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары, Россия
кандидат исторических наук, научный сотрудник
e-mail: alexej.leontjew2014@yandex.ru

© ИЯз РАН, 2023

© Леонтьев А.П., 2023

Аннотация: В статье рассматриваются жанры чувашского устного лирического творчества и проводится их систематизация. Материалами исследования послужили изданные книги, статьи в различных сборниках, рукописи трудов фольклористов и музыковедов, опубликованные сборники песен, а также вербальные тексты, хранящиеся в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук (далее НА ЧГИГН), главным образом в рукописных фондах Н.И. Ашмарина и Н.В. Никольского. Основные методы исследования – фактологический, структурно-типологический, описательный, сравнительный, историко-генетический, аналитический. Фактологический метод применен при изучении первоисточников для выявления признаков того или жанра, структурно-типологический метод – для обнаружения и изучения внутреннего строения (или конструкции) тех или иных текстов для конкретизации жанровых особенностей. Описательный метод употреблен для сбора и первичного анализа песенных образцов, сравнительный метод способствовал идентификации родственных жанров необрядовой поэзии тюркоязычных народов. Историко-генетический метод позволил подвергнуть анализу материалы в разные периоды формирования чувашской научной фольклористики и историческое развитие проблем классификации видов устной лирики. Аналитический метод использован как универсальная форма обработки материалов. Критически анализируя многочисленные работы предыдущих исследователей в течение XX в. и в первой четверти нынешнего столетия, автор предлагает собственную классификацию жанров необрядовой лирики – богатейшего раздела чувашской устной поэзии. Вместе с тем исключает бесспорность своих выводов по отнесению того или иного жанра к роду народной лирики, так как часть чувашских ученых продолжают включать в состав обрядового фольклора некоторые потерявшие обрядность виды народной поэзии.

В настоящей работе термин «народная лирика» имеет эквиваленты «устное лирическое творчество», «устная лирика», «традиционная необрядовая лирика», «неприуроченные песни», «необрядовая поэзия».

Ключевые слова: народная лирика, Н.И. Ашмарин, Н.В. Никольский, рукописные фонды, изданные сборники, рукописи исследований, фольклорная и фольклористическая классификация.

Для цитирования: Леонтьев А.П. Чувашская народная лирика: жанры и их систематизация // Российская тюркология. 2023. № 3–4 (40-41). С. 64–80. DOI 10.37892/2079-9160-2023-3-4-64-80.

Chuvash folk lyrics: genres and their systematization

*Alexey Petrovich Leontyev*¹

¹ Chuvash State Institute of Humanities, Cheboksary, Russia
Ph.D. in History, Researcher
e-mail: alexej.leontjew2014@yandex.ru

© IL RAS, 2023

© Leontyev A.P., 2023

Abstract: The article examines the genres of Chuvash oral lyrical creativity and systematizes them. Published books, articles in various collections, manuscripts of the works of folklorists and musicologists, published collections of songs, as well as verbal texts stored in the Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities (hereinafter CHGIGN), – mainly in the manuscript collections of N.I. Ashmarin and N.V. Nikolskiy – were used as the research materials.

The main research methods are factual, structural-typological, descriptive, comparative, historical-genetic, analytical. The factual method is used in the study of primary sources to identify signs of a particular genre, the structural and typological method – to detect and study the internal composition (or structure). The descriptive method was used for collecting and primary analysis of the song samples. The comparative method helped to identify related genres of non-ritual poetry of the Turkic-speaking peoples. The historical and genetic methods allowed to analyze materials in different periods of the formation of Chuvash folklore studies and the historical development of classification of oral lyrics. The analytical method is used as a universal form of processing the identified materials.

Critically analyzing the numerous works of previous researchers during the 20th century and in the first quarter of this (the 21st) century, the author offers his own classification of the genres of non-ritual lyrics – the richest section of Chuvash oral poetry. At the same time, he does not exclude the indisputability of his conclusions on the attribution of a particular genre to the genus of folk lyrics, since some Chuvash scientists continue to include some types of folk poetry that have lost their ritualism in the composition of ritual folklore. In this work, the term “folk lyrics” has the following equivalents: “oral lyrical creativity”, “oral lyrics”, “traditional non-ritual lyrics”, “non-timed /to special occasions/ songs”, “non-ritual poetry”.

Key words: folk lyrics, N.I. Ashmarin, N.V. Nikolskiy, manuscript collections, published anthologies, research manuscripts, folklore and folkloristic classification.

For citation: *Leontyev A.P.* Chuvash folk lyrics: genres and their systematization // Russian Turkology. 2023. № 3–4 (40-41). PP. 64–80. DOI 10.37892/2079-9160-2023-3-4-64-80.

Введение

Наряду с обрядовой и эпической поэзией чувашская народная лирика – богатейший пласт устного поэтического творчества, один из самых развитых родов словесности, весь объем которого (в строках или строфах) до сих пор не подсчитан. В фонде Н.И. Ашмарина в НА ЧГИГН насчитывается около 13 тысяч купле-

тов *юрӑ* ‘песен’ (среди них и *такмаксем* ‘частушки’), ученый использовал сотни образцов при составлении «*Чӑваш сӑмахӑсен кӑнеки*» ‘Словаря чувашского языка’ [Сидорова 1969: 217]; в Рукописном фонде Н.В. Никольского в НА ЧГИГН тексты бытовых песен количественно можно определить в порядке 15000 четверостиший, 200 песен записано с цифровыми нотами, которые являются для изучающих историю чувашской народной музыки ценнейшим первоисточником [Сидорова 2002: 47].

Н.И. Ашмарин назвал чувашскую песню «безыскусственной поэзией народа»: «ясно отпечатлевающей все феномены его духовной жизни». Далее конкретизировать мысль о «безыскусственности» (то есть о естественности) текстов: «Чувашская песня представляет чрезвычайное разнообразие в сюжетах. Материал берется отовсюду; самая незначительная, на наш взгляд, даже ничтожная вещь притягивает его внимание и является в его напевах; к самым обыденным явлениям он относится внимательно и повествует о них, как о чем-то таком, что он видит впервые и что имеет для него весь интерес новизны» [Ашмарин 1892: 42–43].

Действительно, нет абсолютно ничего замысловатого в этих строках *вӑйӑ юрри* ‘хороводной песни’: *Акӑ пахча илемӗ, / Шурӑ купӑста пур чухне. / Акӑ хӗрсем илемӗ, / Пусра тухья пур чухне. / Акӑ ачасем илемӗ, / Пусра карттус пур чухне* ‘Вот огород красивый, / Когда белая капуста есть. / Вот девчата красивые, / Когда на голове тухья¹. / Вот парни красивые, / Когда на головах картуз’ [НА ЧГИГН: 148: 93]. Казалось бы, все просто. Перед глазами возникает картина: благоухающий сад-огород, девчата в национальной одежде, парни в картузах набекрень, идущие с песней на лужайку и водящие там хоровод. Простые слова создают идиллию или деревенскую пастораль. Хотя была ли она – идиллия – в крестьянской жизни? Несмотря на тяжелые жизненные условия, чуваш пел, сочинял новые и новые песни – «материал брал отовсюду». Н.В. Никольский отмечает: «Чувашские песни являются отражением мирозерцания народа, его заветных дум и желаний; темы чувашских песен: местная природа, гармонирующая с чувашским унылым характером, своеобразные формы общественных отношений, незначительный круг привязанностей и т. п.» [Никольский 2008: 289].

В народном обиходе нет термина «необрядовая лирика», но понятие о такой песне существует. Общественная функция внеобрядовой лирической песни – выражение душевных эмоций, как индивидуальных (песни ямщика, детей-сирот и др.), так и целого коллектива (почти все трудовые песни), целой социальной группы (песни переселенцев, бурлаков и др.). Необрядовая лирическая песня – это выражение отношения к тем или иным жизненным явлениям: *Сиччӗпелен кайрӑм ямшӑка* ‘В семь [часов] отправился на ямщину’; раскрытие в определенной художественной форме человеческих чувств: *Ӗмӗтлентӗм малалла, / Ӗмӗт юлчӗ каялла* ‘Размечтался я о будущем, / Мечты остались в прошлом’ и настроений: *Эп савӑнап, эп савӑнап / Атте-анне килӗнче* ‘Я радуюсь, я радуюсь / В родительском доме’, переживаний, любви, горя, тоски, гнева, радости, веселья, критического осуждения, передача определенных мыслей: *Серемех те уҫас-и, / Хӑярах та акас-и?* ‘Новину поднимать ли, / Огурец сажать ли?’

¹ Тухья – традиционный девичий головной убор чувашей, в виде полусферической шапочки, иногда с наушниками или ремешками из кожи.

Итак, необрядовая лирика – главная составляющая народных песен. «Изучать его суммарно невозможно да и нерационально, – полагает русский фольклорист Т.М. Акимова, – слишком многое в своеобразии разных циклов осталось бы за пределами внимания. Сам народ очень детально разделил только обрядовые песни, поскольку этого требовала сама жизнь, прикрепленность каждого цикла к определенному обряду. Здесь путаница была недопустима. Другое дело песни необрядовые: они не имели обязательной приуроченности к тем или другим моментам быта. Народ их не разделял» [Акимова 1965: 11–12]. На наш взгляд, существенный пласт чувашских лирических песен имеет конкретную приуроченность. Например, хороводные песни и частушки возбранялось исполнять после завершения весенне-летних *вайй* ‘хороводов’. *Улах юррисем* ‘посиделочные песни’ также приурочивались к определенному периоду. Например, начиная с весны до начала зимних дней молодежь о посиделках даже и не помышляла.

Результаты и обсуждение

1. Об истории возникновения чувашских лирических песен

Есть основание полагать, что лирические песни тюрков, не связанные с обрядами, появились уже до нашей эры. В «Словаре тюркских наречий» (XI в.) Махмуда Кашгари есть и четверостишия, относящиеся к народной лирике. Одно из них – строфа, посвященная Волге, являющаяся песенным образцом пейзажной лирики: «Воды реки Атил текут, / Ударяются о подножия скал, / Плещут рыбы и лягушки, / Водой наполнены пруды» [Бакиров 2012: 241–242]. По мнению Л.П. Атановой, формирование башкирских народных песен восходит к глубокой древности, и «складывание башкирской народной музыки в единую образно-смысловую систему происходило одновременно с формированием башкирской народности» [Атанова 1992: 19]. Большинство исследователей придерживается мнения, что лирические песни обособились из обрядовой поэзии. Чувашский музыковед М.Г. Кондратьев, анализируя формирование устной чувашской музыкальной культуры в Поволжье в разные периоды, приходит к выводу, что уже в Волжской Булгарии могли существовать в быту гостевые лирические песни о родных, о жизни. Они выделялись из обрядового комплекса. Сходны с ними песни, связанные с различными видами коллективного труда. Главным образом это *ниме юррисем* ‘помочанские песни’. Лирика индивидуального характера – молодежные *юрату юррисем* ‘любовные песни’, *пейёт* ‘баллады’, записывавшиеся в XIX–XX вв., – не дает оснований для подобного предположения. По стилистическим признакам известные сегодня образцы индивидуальной лирики имеют у чувашей более позднее происхождение [Кондратьев 2007: 75].

За болгарским следуют золотоордынский (с 1242 г.) и казанско-ханский (с 1443 г.) периоды, которые занимают более трехсот лет, вплоть до середины XVI в. Исследователь культуры народов Среднего и Нижнего Поволжья И.Н. Сырнев находит, что «непосредственно татарское культурное влияние на подчиненное им население края во времена Казанского ханства было незначительным» [Сырнев 1901: 120]. Возможно, к этому времени восходит сюжет са-

кравальной песни *кёреке юрри* ‘застольной песни’ (праздника нового урожая), в этот же период, видимо, установились современные сроки молодежного праздника *уяв* (букв. ‘почитание’; синоним *вайй* букв. ‘игра’, в народном обиходе в значении ‘хоровод’. – А.Л.) – одного из самых больших многодневных праздников календарного цикла [Кондратьев 2007: 78]. В российскую эпоху возникают такие жанры, как *никрут юррисем* ‘рекрутские песни’ и *сён сёре каякансен юррисем* ‘песни переселенцев’. После крестьянских восстаний в начале XVII в. чувашам, марийцам и удмуртам рядом царских указов было запрещено заниматься кузнечным и серебряным делом, чтобы они не могли изготавливать оружие. Запрет на обработку металлов был снят в конце XVIII в. К тому времени во многих чувашских деревнях работали русские кузнецы. Со временем и чувашаи открывали свои кузницы. Появились и *тимёрсё юррисем* ‘песни кузнецов’. Чувашиволжане занимались и в бурлаки, тому свидетельство – их профессиональная лирика – *бурлак юррисем* ‘песни бурлаков (плотогонов)’.

Народная лирика постоянно расширялась. С началом целенаправленного сбора (записывания профессионалами и энтузиастами) текстов устного творчества возник вопрос их систематизирования. Однако этот процесс шел неравномерно.

2. О «фольклорной» и «фольклористической» систематизации необрядовой поэзии

Мы исходим из того, что жанровый состав фольклора, установленный для одного народа, не может быть механически перенесен на состав фольклора другого народа, даже родственного. И.Н. Надиров разделяет татарские песни на четыре крупные разновидности: *озын жырлар* ‘протяжные’, *кыска жырлар* ‘короткие’, *уен, бию жырлары* ‘игровые и плясовые’, *йола жырлары* ‘обрядовые’ [Надиров 1969: 14]. Данный принцип жанровой классификации не может быть применен для чувашской лирики по ряду причин: сложно установить границу между протяжными и скорыми песнями; у чувашей лирическая поэзия к обрядовой поэзии стоит ближе, чем, например, у татар и русских; многие лирические песни исполнялись во время обрядов; в ряде случаев невозможно различить обрядовую песню от лирической: по тематике она является обрядовой, а по характеру – лирической [Родионов 2006: 50–51]. Современные башкирские фольклористы придерживаются следующей тематической классификации «лирических песен»: бытовые песни; песни философского характера; любовные песни; песни о мужской доле; песни о женской доле [Хакимьянова 2019: 18]. У якутов классификация вообще стоит как бы особняком среди родственных тюркских этносов (мы здесь упускаем обрядовую поэзию (алгыстар)), лирические *ырыа* ‘песни’ рассредоточены в четыре рода: 1) песни о природе и родном крае (песни о мироздании, о растительном и животном мире, о родном крае; о временах года; 2) песни о любви, браке и семье; 3) песни о труде и быте; 4) песни и поэмы социальной тематики (сатирические, песни, новеллистические поэмы, песни протеста и борьбы) [Эргис 1974: 285–324]. Ближайшие соседи чувашей – марийцы – весь песенный фольклор подразделяют, как и чувашские фольклористы, на две большие группы – обрядовый и необрядовый [Песни 2011: 20], в составе необрядовой группы: песни о любви и дружбе, родине и природе, песни-раздумья о жизни и

судьбе, о семье, сиротские, бедняцкие и др. [Песни 2011: 29–30]. Если у чувашей *симёк юррисем* ‘семицкие песни’ эквивалентны хороводным песням, то у луговых мари *семьк пайрем муро-влак* ‘семицкие песни’ никакого отношения к хороводам не имеют, относятся наряду с масленичными, пасхальными и др. к календарным песням [Песни 2011: 54–58].

Большинство исследователей устного народного творчества, как отмечает И.И. Земцовский, «считает понятие жанра условной категорией науки, то есть – в приложении к народному творчеству – категорией не фольклорной, а фольклористической» [Земцовский 1971: 61] и предлагает перейти от условного «жанра фольклористики» к «категории безусловной – жанру самого народного искусства», также напоминает, что «еще в 1931 году замечательный румынский этномузыковед К. Брэйлоу призывал строить классификацию народных песен по тем конкретным жанрам, которые сам народ сознает» [Земцовский 1971: 64]. Чувашская фольклористика с первых своих шагов следовала за народной классификацией песен. В отличие от условной классификации, народная имеет свои преимущества. Народ как исполнитель песен не мог не различать их тексты и напевы [Родионов 1992: 81]. Чувашский этномузыкальный материал снимает перед исследователями проблему условности жанра, ибо даже сегодня сохраняет естественную народную, безусловную классификацию видов песен, воспринятую и фольклористикой. Этот своеобразный феномен по сравнению с народной лирикой соседних народов объясняется «относительно хорошей сохранностью народной религии (дохристианской), мировоззрения, обрядовой системы, еще в начале XX столетия имевшей целостный системный характер. <...> В этой народной классификации центральное место занимают обрядовые виды песен» [Кондратьев 1991: 28]. Добавим, что в естественной народной классификации вполне зримо и системно обозначались и жанры необрядовой лирики: например, образцы текстов, записанных многочисленными энтузиастами по программам Н.И. Ашмарина, Н.В. Никольского, почти все имеют названия определенного жанра (вида): *вайй (уяв...) юррисем, улах юррисем, хёр сәри юррисем, юрату юррисем, тӓлӓх ача юррисем* ‘хороводные песни, посиделочные песни, песни девичьего пива, любовные песни, песни детей-сирот’ и пр.

Попытку некой систематизации (разумеется, неполной, хаотической, так как автор не ставил целью выявление жанров) по темам, то есть по фольклористическому принципу, еще в середине XIX в. предпринял В.А. Сбоев. Он приводит тексты пяти *эротических* (*Пыть, пыть подене* ‘Пыть, пыть, перепелка’), по одной *элегической* (*Кош, кош, вурман, кош, вурман!* ‘Шумит, шумит дубравушка!’), *обрядовой* (*Ай-ай, инке, Куль-инке* ‘Молодая Акулинушка’) и *бранной*, или *сатирической* (*Хёр чипер-и? – тылла пос* ‘Хороша ль невеста? – кочка!’) песен [Сбоев 1865: 149–162].

В конце XIX – начале XX вв. Н.И. Ашмарин [Ашмарин 1892; 1900], В.А. Мошков [Мошков 1893], И.Д. Никитин-Юрки [Никитин (Юрки) 1908], Г.И. Комиссаров [Комиссаров 1911], составители двух сборников под названием «Образцы мотивов чувашских народных песен и тексты к ним» [Образцы 1908; 1912] приводят в основном одни и те же виды песен или же призывают, например, Н.В. Никольский [Никольский 2008: 253–306], собирать их образцы, основываясь на принципе безусловности.

Н.И. Ашмарин анализирует тексты масленичных, святочных, рекрутских, свадебных, хороводных песен, а в «Сборник чувашских песен» собиратель включил солдатские, свадебные, гостевые, хороводные песни. Исследователь отмечает: «Самая распространенная стихотворная форма – четверостишия, которых чрезвычайно много и которые очень легко составляются по-чувашски <...> Характерную особенность чувашской поэзии составляет богатство сравнений. Значительная часть песен состоит из двух частей, дающих как бы сравнение двух явлений, причем основная мысль, обыкновенно касающаяся различных сторон людских отношений, некоторым образом поясняется аналогией, взятой из природы» [Ашмарин 1892: 45].

По мнению В.А. Мошкова, «из числа прочих песен чуваша выделяют по содержанию свадебные и рекрутские». Между прочим, музыковед не без удивления констатирует, что «из числа всех упомянутых инородцев чуваша <...> самый музыкальный и любящий музыку народ. <...> Каждый из них знал 5–6 песен, а от некоторых, записав около 20 мелодий, я далеко еще не исчерпывал их материала. По их словам, полный репертуар их был по крайней мере в 5 раз больше того, что записано. Между тем как все остальные из названных мною инородцев Волжско-Камского края <...> не могли сообщить их больше десятка» [Мошков 1893: 31–32].

И.Д. Никитин-Юрки полагает: «По времени исполнения песни у чуваш бывают свадебные, солдатские, гостевые, детские, игровые и масленичные» [Никитин (Юрки) 1908: 265]. Г.И. Комиссаров пишет, что «чувашские песни различаются по тому, в какое время года, по какому случаю они поются. Поэтому и названия они носят разные: *ёскё юрри* ‘пирушечная песня’, *туй юрри* ‘свадебная песня’, *хёр йёрри* ‘плач невесты’, *кёрү юрри* ‘песня жениха’, *сйварни юрри* ‘масленичная песня’, *уяв юрри* (или *вай юрри*) ‘хороводная песня’, *улах юрри* ‘посиделочная песня’, *салтак юрри* ‘солдатская песня’. Мелодия чувашских песен состоит обычно из двух, трех или четырех колен; отличается значительной подвижностью и музыкальностью» [Комиссаров 1911: 396]. (Г.И. Комиссаров в дальнейшем существенно развил свою классификацию, об этом – позже.)

Изданный по инициативе инспектора Симбирской чувашской учительской школы И.Я. Яковлева сборник «Образцы мотивов чувашских народных песен и тексты к ним» состоит из *сйвайсем* ‘хороводных песен’ (25 мотивов), *хёр сйри юррисем* ‘песен в осенние и зимние девичьи праздники’ (3), *ёскё-сикё юррисем* ‘праздничных песен’ (не будем строго судить составителей за такой перевод гостевых, или пирушечных, песен) (42), *туй юррисем* ‘свадебных песен’ (5), *хёр йёрри* ‘плача невесты’ (1), *салтак юррисем* ‘солдатских песен’ (17), *такмаксем* (в «Оглавлении» переведены как «шутки, остроты, которые поются на свадьбах и в других торжественных случаях», русское название ‘частушки’ в обиходе появляется позже) (2) [Образцы 1908]. «Мотив» здесь, понятно, эквивалент термина «песня». Во 2-ю часть «Образцов...» включены, кроме вышеуказанных, *сйварни юррисем* ‘песни на масленице’ (16); *ваййсем* ‘игры’, являющиеся частью *вайй* ‘хороводов’, составитель выделил как самостоятельный жанр (1 мотив). Имеются *тйльхсен юрри* ‘песня сирот’, *хурляхля старик юрри* ‘песня печального старика’ и *Пйртта юрри* ‘песня Пртты’ («Пртта был, сказывают, человеком из Чекурова») и *сёр виссе сурекен уллут юрри – мишавай юрри* ‘песня межевого (землемера)’ [Образцы 1912].

Среди главных задач Казанской центральной восточной музыкальной школы (1918–1922 гг.) его директор профессор Н.В. Никольский выделяет: «а) практическую – собирание и записывание материалов, б) теоретическую – систематизация материалов, выяснение принципов построения народной песни» [Никольский 2008: 297]. В подготовленной им «Программе для собирания народных песен и других музыкальных материалов» исследователь призывает обращать внимание на исторические песни, духовные стихи и обрядовые песни, бытовые, рабочие, тюремные, фабричные, семейные, детские, игровые, колыбельные песни и частушки и др. «Собиратель песен должен объяснять, – наставляет Н.В. Никольский, – когда она поется (время года), при каких случаях, как поется (хором мужским, женским или детским, или одиночно), к какому разряду песен относится и как в данной местности этот разряд называется, если данная песня в народном исполнении является как составная часть какого-нибудь обряда или сопровождает какую-нибудь игру, то соответствующий обряд или игра должны быть подробно описаны» [Никольский 2008: 305–306]. Разумеется, здесь понятие «разряд» означает *жанр*. Автор программы умышленно не использует это мудреное для простых людей слово. Он призывает собирателей самим обозначать тексты (безусловная классификация). А теоретики потом, анализируя тематику, определяют их жанровое предназначение.

В дореволюционный период мы не находим исследований, посвященных систематизации жанров устной поэзии, объяснение этому – отсутствие исследователей, а этот фактор, в свою очередь, исходит от отсутствия изданных сборников образцов устного народного творчества (не считая вышеуказанные «Образцы...»). Первые публикации (а также неопубликованные работы) появляются лишь в середине 1920-х гг.

В.Ф. Смолин справедливо отмечает, что «песенное и музыкальное творчество чуваш до сих пор не только мало изучено, но и зарегистрировано далеко не полностью. <...> Во многих чувашских деревнях старинная песня замолкла, забыта» [Смолин 1926: V–VI]. Из предисловия Ф.П. Павлова к своей книге узнаем, что рукопись им была подготовлена еще в 1923 г. Из десяти очерков книги нас больше интересует пятый (самый обширный) из них, где рассматриваются чувашские народные песни по их видам, содержанию и дается их характеристика с художественно-эстетической точки зрения. Анализируя тексты, включенные в его рукописный сборник «*Чăваш юррисем*» «Чувашские песни», автор поясняет: «Приведенное деление песен выписано из сборника в том же порядке, в каком эти песни расположены. На этом основании его нельзя рассматривать как попытку дать примерную классификацию (деление) чувашских народных песен по виду и содержанию» [Павлов 1926: 47]. Тем не менее данная структуризация вполне научно обоснована. Заметим, что в то время никто не делил чувашскую устную поэзию на обрядовую и необрядовую (или на приуроченную и неприуроченную), поэтому в «делении» Ф.П. Павлова песенные жанры выглядят так: *ёскё-сикё юррисем* ‘пирушечные песни’, *хăнасене чысласа юрлани* ‘песни при встрече и проводах гостей’, *улах юррисем* ‘посиделочные песни’, *туй юррисем* ‘свадебные песни’, *вайй юррисем* ‘хороводные песни’, *çăварни юррисем* ‘масленичные песни’, *вёскён юрри* ‘песня щеголя’, *такмаксем* ‘драматические и шуточные песни’, *хёр йёрри* ‘плач невесты’, *авалхи юрăсем* ‘легенды (старинные песни)’, *сал-*

так юррисем ‘рекрутские песни’, *вйй юррисем (сйвйсем)* ‘игровые песни’, *уяв вййи юррисем* ‘игровые хороводные песни’, *турлак юрри[сем]* ‘бурлацкие песни’, *мулкач юрри* ‘песня зайца (аллегорическая)’, *ташй юррисем* ‘танцевальные песни’, *хёр сумми юрри* ‘плач подружек [невесты]’, *тйлйх арйм юрри* ‘песня вдовы’, *кёреке юрри* ‘застольная песня’, *кёру юрри* ‘песня жениха’, *сурхури юррисем* ‘святочные песни’, *туй халйхён юрри* ‘свадебная песня’, *сйпка юрри* ‘колыбельная песня’, *йру юрри* ‘родовая песня’, *ёс юррисем* ‘трудовые песни’, *революци юррисем* ‘революционные песни’, *тёрлй юрйсем* ‘разные песни’ [Павлов 1926: 46–47].

В 1920–1930 гг. выходили сборники чувашских песен. Три из них принадлежат С.М. Максимову [Максимов 1924; 1926; 1932]. Тексты в первом и втором сборниках составитель классифицирует как детские, хороводные, пировые, масленичные, свадебные, рекрутские и «разные». Автор предисловия к третьей книге композитор и музыковед И.В. Люблин отмечает, что «классификация песен, не всегда, правда, достаточно последовательно проведенная, по игровому, хороводному, гостевому, свадебному, масленичному и т. п. “признакам” отражает вполне определенный этнографический подход, идущий целиком от традиции формального дореволюционного собирательства “народных песен”» [Люблин 1932: IV–V]. Кроме указанных, «т. п.» – это детские, посиделочные, рекрутские песни и песни «разных циклов»: *чйк юрри* ‘песня языческого жертвоприношения’, *яш сын юрри* ‘песня юноши’, *тйпат юрри* ‘песня при молотье’, *вйрй юрри* ‘песня вора’, *ака-суха юрри* ‘букв. песня плуга и бороны’, *сён сёр юррисем* ‘песни переселенцев’, *тйлйх юрри* ‘песня сироты’, *хёр юрри* ‘предсмертная песня девушки’. По существу, С.М. Максимов использовал безусловную классификацию.

Нужно признать, что вплоть до 1960-х гг. в изданных книгах по чувашскому фольклору не предпринималось серьезной попытки классификации не только вообще всего собранного материала, но и, в частности, образцов устно-поэтического творчества, в том числе необрядовой поэзии. Во втором издании сборника «*Чйваш фольклорё*» ‘Чувашский фольклор’ его составитель И. Тукташ также в основном ограничился описанием изданных к тому времени исследований о чувашском фольклоре, размышлениями о месте и роли устного творчества в жизни народа. Серьезный анализ, собственно, народной лирики отсутствует [Чйваш фольклорё 1949: 15–16]. Тем не менее, этот сборник считается наиболее объемным по включению в него песен разных жанров: из необрядовой поэзии он содержит трудовые, посиделочные, семиковые, шуточные, колыбельные песни и детские стихи, песни удельных крестьян, переселенцев, «песни 1905 года». Вернувшись к словам И.И. Земцовского о категориях «фольклорная» и «фольклористическая», видим, что И. Тукташ в какой-то мере являлся сторонником фольклористического, то есть искусственного разделения жанров: например, во многих местах, главным образом среди низовых чувашей и чувашей этнотерриториальных групп, хороводные песни называются песнями *вйй* или *уяв*; также понятие «песни 1905 года» никак не относится к научному термину «жанр».

Являясь приверженцем фольклористической систематизации, Н.Р. Романов, «учитывая многообразие чувашских песен», разделяет «их по содержанию на четыре группы: 1) песни, воспевающие окружающую природу и родной край; 2) песни, в которых отражается производственный быт народа, 3) песни о семейном быте и 4) песни, отражающие общественные отношения и классовую борьбу

в деревне» [Романов 1960: 63–64]. Во-первых, зыбкость такого разделения очевидна, так как не понятно, какие песни, принадлежащие к той или иной группе, являются обрядовыми (приуроченными), а какие необрядовыми (неприуроченными), во-вторых, признаки всех означенных групп присутствуют в большинстве текстов и обрядовой, и необрядовой поэзии.

В аннотации к своей работе «Чувашский фольклор» М.Я. Сироткин заявляет, что «книга не претендует на охват и анализ в полном объеме всего устно-поэтического богатства чувашского народа, в ней рассказывается лишь об устоявшихся, т. е. традиционных, жанровых формах и видах фольклора», и сетует, что «до сих пор нет общего более или менее последовательно изложенного описания жанров чувашского народно-поэтического творчества в их совокупности» [Сироткин 1965: 2]. Автор устную поэзию не делит на обрядовую и необрядовую, хороводные песни включает в род календарно-обрядовой поэзии, тем не менее заметив: «От старой обрядности в них сохранились лишь календарный по времени характер их проведения, традиционность текстов и мелодий хоровых песен, круговое движение хоровода. Тематика игр и песен хороводных гуляний была бытовая (читай: необрядовая. – А.Л.). В большинстве своем это были молодежные лирические песни» [Сироткин 1965: 16].

Из жанров народной лирики автор выделил трудовые песни, которые «распадаются на три группы: 1) песни призыва к труду, 2) собственно трудовые песни и 3) песни, описывающие трудовой процесс» [Сироткин 1965: 18], бытовые лирические песни, которые «включают множество видов: любовные, застольные, гостевые, посиделочные, хороводные, игровые, плясовые, шуточные» [Сироткин 1965: 99], лирику социальных чувств и переживаний, и в этот особый цикл входят песни удельных крестьян, сиротские, рекрутские и солдатские песни, песни переселенцев, бурлаков, рабочих, тюремные и каторжные песни» [Сироткин 1965: 110]. Вслед за И. Тукташом исследователь отдельно рассматривает песни революционного протеста [Сироткин 1965: 116]. Очевидно, что в книге пока еще отсутствует научная классификация жанров народной лирики, ведь, например, исполнитель песен «*Йӓлтӓр-йӓлтӓр кӗленче ту...*» ‘Стекло́нная сверкающая го́ра...’ и «*Кӗӓрнаттӓр сурчӗ – хӗрлӗ сурт*» ‘Губернаторский дворец – пышный дворец’ (так у автора, хотя *хӗрлӗ* на рус. ‘красный’. – А.Л.) вряд ли догадывался, что он поет революционную песню.

Е.С. Сидорова народную поэзию делит на две группы: *магилле сӓмахсем* ‘магические слова’ и лирику. Лирикой она считает и обрядовую поэзию [Ильина 2016: 107]. Однако русская, да и чувашская фольклористика давно определилась с понятиями «обрядовая» и «необрядовая». Российский исследователь Ю.Г. Круглов напоминает: «еще в XIX в. ученые утверждали, что лирическая поэзия родилась в обряде», и продолжает: «Действительно, в обрядовом фольклоре существует целая группа произведений, в которых четко выражено стремление изобразить внутренний мир человека, его эмоциональное отношение к происходящему. Но нельзя с этими произведениями отождествлять другие, далекие от лирики. Именно поэтому при общей классификации фольклора собственно обрядовая поэзия не должна относиться к лирическому роду <...> Обрядовая поэзия должна иметь другую классификацию, учитывающую ее утилитарно-магическую направленность и иной способ изображения действительности» [Круглов 1989: 10].

В советский период наши исследователи фольклора неохотно обращались к изысканиям гуманитариев дореволюционной школы, которые оставили свои теоретические обоснования в рукописях, без движения лежавших, в частности, в Научном архиве Чувашского НИИ языка, литературы, истории и экономики (ЧНИИЯЛИЭ, ныне НА ЧГИГН). В исследование чувашской народной поэзии, в том числе бытовой лирики, существенный вклад внес Г.И. Комиссаров. «Классифицировать (делить) произведения чувашского фольклора можно по нескольким основаниям или признакам, – полагает исследователь, – по жанрам их, по назначению и употреблению их, по месту распространения их. Чаще всего произведения фольклора классифицируются по жанрам. Мы считаем более целесообразным принять следующую классификацию произведений чувашского фольклора (обрядовую поэзию упускаем. – А.Л.): <...> Необрядовая поэзия: 1. Поэзия стихотворная (ритмическая): а) поэзия труда; б) поэзия зимних развлечений молодежи (посиделки), песни девичьей пирушки; в) песни хороводные; г) песни игровые; д) песни и частушки плясовые; е) песни и стишки детские; ж) песни любовные и семейные; з) песни рекрутские и солдатские; и) песни переселенческие; й) песни, известные по именам составителей их; к) песни-баллады; л) песни исторические» [Комиссаров 2023: 310–311].

3. Классификация жанров устной лирики в современных фольклорных сборниках

Тексты устной лирики, вошедшие в том III шеститомника «*Чăваш халăх сăмахлăхĕ*» «Чувашское устное народное творчество» сформированы на основе вышеприведенной, но расширенной классификации: *истори юррисем* ‘исторические песни’, *социаллă танмарлăх юррисем* ‘песни социального протеста’, *удел хресченĕсен юррисем* ‘песни удельных крестьян’, *сĕнĕ сĕр юррисем* ‘переселенческие песни’, *тăлăх юррисем* ‘песни сирот’, *хусах-таркăн юррисем* ‘песни казаков (дезертиров) и беглых’, *ямшăк юррисем* ‘ямщицкие песни’, *бурлаксен юррисем* ‘бурлацкие песни’, *рабочисен юррисем* ‘песни рабочих’, *тĕрме, каторга, ссылка тата революци юррисем* ‘песни тюремные, каторжные, ссыльных и революционные’, *ĕс юррисемпе такмакĕсем* ‘трудовые песни и частушки’ (15 поджанров), *вайă юррисемпе тапш такмакĕсем* ‘хороводные песни и частушки’, *хĕр сăри юррисемпе такмакĕсем* ‘песни и частушки девичьего пива’, *улах юррисемпе такмакĕсем* ‘посиделочные песни и частушки’ [Чăваш халăх сăмахлăхĕ 1978]. И.И. Одюков в дальнейшем предлагает более развернутую классификацию жанров необрядной поэзии, вернее сказать, дополняет ее следующими видами: *шухăш-ĕмĕт юррисем* ‘песни о мыслях, чувствах, переживаниях человека’, *салтак юррисем* ‘солдатские песни’ [Одюков 2008: 232–312].

В своих работах В.Г. Родионов вопрос классификации чувашского песенного наследия изучает, основываясь на теоретических изысканиях фольклористов разных народов (чего не хватало в работах вышеуказанных исследователей советского периода). Его тезис о том, что «в народе песни классифицируются главным образом по функциям, по связи их с тем или иным обрядом» [Родионов 1982: 71], является краеугольным в систематизации жанров народной лирики. В 1991 г. Ученый совет ЧНИИЯЛИЭ (ныне ЧГИГН) утвердил подготовленный В.Г. Родионовым проспект «*Чăваш халăх сăмахлăхĕн пуххи*» ‘Собрание (свод)

чувашской народной словесности'. Выделяя весь объем фольклорных текстов на несколько серий, классификатор в серию «Песенная поэзия» включает следующие жанры анализируемой нами народной лирики (необрядовой или неприуроченной поэзии): в группу *ача-пӑча, яш-кӗрӗм юррисем* 'детских и молодежных песен' – *вайӑна уяв юррисем* 'игровые и хороводные песни', *улах юррисем* 'посиделочные песни', *хӗр сӑри юррисем* 'песни девичьей пирушки'; в группу *тӗрлӗ социалӑ ушкӑнсен юррисем* 'песен различных социальных слоев' – *хусах-таркӑн, вӑрӑ-хурах юррисем* 'песни беглецов и воров-разбойников', *тӗрме-хӗсмет юррисем* 'тюремные песни', *ӗс юррисем* 'трудовые песни', *тӑлӑх-турат юррисем* 'сиротские песни', *ямшӑк юррисем* 'ямщицкие песни', *бурлак-рабочи юррисем* 'песни бурлаков и рабочих', *сӗнӗ сӗр юррисем* 'песни переселенцев', *пейӗтсем* 'пеиты' – *авалӑх пейӗчӗсем* 'исторические пеиты', *вӑрсӑ пейӗчӗсем* 'пеиты о войнах', *кил-йӑшпа юрату пейӗчӗсем* 'пеиты о семье и любви' [Чӑваш халӑх сӑмахлӑхӗн пуххи 1994: 82].

На основании указанного проспекта чувашские фольклористы приступили к выпуску нового свода: «*Чӑваш халӑх пултаруӑхӗ*» 'Чувашское народное творчество'. В сборнике «*Ӓсӗне йӑла юррисем*» 'Трудовые и обрядовые песни' размещены собственно *ӗс юррисем* 'трудовые песни', *халӑхри сийсен юррисем* 'песни социальных слоев' и *султалакри йӑла юррисем* 'календарно-обрядовые песни'. (Судя по названию сборника, песни социальных слоев здесь не должны были быть.) В нарушение классификации В.Г. Родионова в группу календарно-обрядовых песен были включены наряду с масленичными песнями посиделочные песни и частушки, а также песни девичьей пирушки. Хороводные песни отсутствуют. Очевидно, их предполагалось издать отдельным томом. Однако при таком выборочном подходе к жанрам возникает вопрос: по какой причине не будут изданы отдельные сборники масленичных и посиделочных песен, ведь количество их ненамного меньше, чем хороводные?

В предисловии к сборнику Г.Ф. Юмарт заявляет о целесообразности включения солдатских и переселенческих песен в группу песен социальных слоев, так как «они по значению похожи на песни этой группы», а хороводные песни относит к обрядовой поэзии [Юмарт 2013: 11]. Такоевольное разделение и описание жанров нельзя назвать иначе как отголосками фольклористической (или условной) классификации и, в добавление к «терминологической неопределенности», неопределенностью в различении жанрового содержания. Мы не можем согласиться с Г.Ф. Юмартом, когда он пишет, что «трудовые песни и песни социальных слоев связаны с отдельными периодами года» [Юмарт 2013: 11]: разве лесорубы не работали круглый год так же, как кузнецы, пивовары, удельные крестьяне и ямщики?

Заключение

Возможно, и мы станем объектом критики. Говоря «неприуроченная устная поэзия», мы уже вызываем упрек, так как, к примеру, хороводные песни поют в определенный период – между «весенним праздником Пасха и праздником лета Семик – в веселое для молодежи время, называемое *Уяв*» [Комиссаров 1911: 388]. Однако *вайӑ (уяв)* хороводный репертуар давно потерял обрядную составляющую,

посему мы хороводные песни причисляем к народной лирике. Аналогично поступаем с посиделочными песнями и песнями девичьей пирушки. Фольклористы и музыковеды *кёреке юррисем* ‘застольные песни’ отделяют от гостевых (пирушечных), они «особый жанр народной песни, общее название сакральных песен-гимнов» [Кондратьев 2006]. Поэтому мы их не включаем в нашу классификацию.

Таким образом, чувашская народная лирика объединяет две большие группы: 1) песни молодежи и взрослого населения: *вйй / уяв / сымёк юррисем* ‘хороводные песни’; *вйй выляв юррисем* ‘игровые песни’; *улах юррисем* ‘посиделочные песни’; *хёр сари юррисем* ‘песни девичьего пива (девичьей пирушки)’; *такмаксем* ‘частушки’; *кулленхи юррәсем* ‘повседневные песни’ (*юрату юррисем* ‘любовные песни’, *каччәсен юррисем* ‘песни парней’, *хёрсен юррисем* ‘песни девушек’, *урам юррисем* ‘уличные песни’, *хуйхәллә сәмрәксем юррисем* ‘песни печальных парней’, *уйрәм хёр юррисем* ‘песни отдельной девушки’, *уйрәм каччә юррисем* ‘песни отдельного парня’, *савни сәввисем* ‘песни возлюбленного’, *савни сивёнсен юрланисем* ‘песни после отчуждения возлюбленного(ой)’ и пр.); *ёскёсикё (хәна) юррисем* ‘пирушечные (гостевые) песни’; 2) песни разных социально-профессиональных групп: трудовые песни – *тырә акакансен юррисем* ‘песни сеятелей’; *тырә выракансен юррисем* ‘песни жнецов’; *авән сапакансен юррисем* ‘песни молотильщиков’; *ниме юррисем* ‘помочанские песни’; *катка-пичкесёсен юррисем* ‘песни бондарей’; *сәвай сапакансен юррисем* ‘песни свайщиков’; *сүс тыллакансен, пир сапакансен юррисем* ‘песни мяльщиц поскони и полотна’; *утә сулакансен юррисем* ‘песни косарей’; *чйнта сапакансен юррисем* ‘песни кулеткачей’; *тимёрсё юррисем* ‘песни кузнецов’; *канат юррисем* ‘песни канатчиков’; *вәрман касакансен юррисем* ‘песни лесорубов’; *кётүс юррисем* ‘песни пастухов’; *сәра пёсерекенсен юррисем* ‘песни пивоваров’; *каска юррисем* ‘песни пильщиков’; *ал ёс тәвакансен юррисем* ‘песни рукодельниц’; *хуралсә юррисем* ‘песни сторожей’ и др.; песни социальных групп – *удел хресченёсен юррисем* ‘песни удельных крестьян’; *бурлак юррисем* ‘бурлацкие песни’; *рабочисен юррисем* ‘песни рабочих’; *ямийк юррисем* ‘песни ямщиков’; *сёнё сёре каякансен юррисем* ‘песни переселенцев’; *хусах-таркән юррисем* ‘песни казаков и беглых’; *тәләх арәмсен юррисем* ‘песни вдов’; *тәләх ачасен юррисем* ‘песни сирот’; *ятлә юррәсем* ‘именные песни’ (известные по именам их создателей); *вәрә-хурах, тёрме-каттәркә юррисем* ‘разбойничьи и тюремно-каторжные песни’; *ыйтка-лакансен юррисем* ‘песни нищих’ и др.

Литература

- Акимова 1965 – Акимова Т.М. О поэтической природе народной лирической песни. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1965. – 172 с. {Т.М. Akimova. On the poetic nature of a folk lyrical song. – Saratov: Saratov University Press, 1965. – 172 p.}
- Атанова 1992 – Атанова Л.П. Собиратели и исследователи башкирского музыкального фольклора. – Уфа: Издание республиканской газеты «Йәшлек», 1992. – 190 с. {L.P. Atanova. Collectors and researchers of Bashkir musical folklore. – Ufa: Edition of the Republican Newspaper “Yäshlek”, 1992. – 190 p.}
- Ашмарин 1892 – Ашмарин Н.И. Очерк народной поэзии у чуваш // Этнографическое обозрение. – Москва, 1892. – № 2–3. – С. 42–64. {N.I. Ashmarin. An essay on folk poetry among the Chuvashes // Ethnographic Review. – Moscow, 1892. – No. 2–3. – PP. 42–64.}

- Ашмарин 1900 – *Ашмарин Н.И.* Сборник чувашских песен, записанных в губерниях Казанской, Симбирской и Уфимской. – Казань: Типо-лит. Казан. Импер. ун-та, 1900. – 91 с. {*N.I. Ashmarin. A collection of Chuvash songs recorded in the provinces of Kazan, Simbirsk and Ufa. – Kazan: Typolithography of Kazan Imperial University, 1900. – 91 p.*}
- Бакиров 2012 – *Бакиров Марсель.* Татарский фольклор. – Казань: Ихлас, 2012. – 400 с. {*Marsel Bakirov. Tatar folklore. – Kazan: Ikhlas, 2012. – 400 p.*}
- Земцовский 1971 – *Земцовский И.И.* К теории жанра в фольклоре // Советская музыка. – 1971. – № 1. – С. 61–65. {*I.I. Zemtsovskiy. On the theory of genre in folklore // Soviet Music. – 1971. – No. 1. – PP. 61–65.*}
- Комиссаров 1911 – *Комиссаров Г.И.* Чуваши Казанского Заволжья // ИОАИЭ. – Т. XXVII. – Вып. 5. – Казань, 1911. – С. 311–432. {*G.I. Komissarov. Chuvash of the Kazan Volga region // IOAIE (the Bulletin of Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan University). – Vol. XXVII. – Issue 5. – Kazan, 1911. – PP. 311–432.*}
- Комиссаров 2023 – *Комиссаров Г.И.* Устное творчество (фольклор) // Г.И. Комиссаров. Собрание сочинений. – Т. I. – Чебоксары: Типография 7, 2023. – С. 308–331. {*G.I. Komissarov. Oral creativity (folklore) // G.I. Komissarov. Collected works. – Vol. I. – Cheboksary: Printing House 7, 2023. – PP. 308–331.*}
- Кондратьев 1991 – *Кондратьев М.Г.* О чувашско-татарских этномузыкальных параллелях (введение в проблематику) // Из наследия художественной культуры Чувашии. Сб. статей. – Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1991. – 158 с. {*M.G. Kondratiev. On Chuvash-Tatar ethnomusicological parallels (introduction to the problems) // From the heritage of artistic culture of Chuvashia. A collection of articles. – Cheboksary: ChSRILLHE (Chuvash Scientific Research Institute of Language, Literature, History and Economy), 1991. – 158 p.*}
- Кондратьев 2006 – *Кондратьев М.Г.* Ёскё-сикё юрри [Застольная песня] // Чувашская энциклопедия: в 4-х т. – Т. 4. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006. – С. 581. {*M.G. Kondratiev. Drinking song // Chuvash encyclopedia: in 4 vols. – Vol. 4. – Cheboksary: Chuvash Book Publishing House, 2006. – P. 581.*}
- Кондратьев 2007 – *Кондратьев М.Г.* Чувашская музыка: от мифологических времен до становления современного профессионализма. – М.: ПЕРСЭ, 2007. – 288 с. {*M.G. Kondratiev. Chuvash music: from mythological times to the formation of modern professionalism. – Moscow: PERSE, 2007. – 288 p.*}
- Круглов 1989 – *Круглов Ю.Г.* Русские обрядовые песни. – М.: «Высшая школа», 1989. – 320 с. {*Yu.G. Kruglov. Russian ritual songs. – Moscow: “Vysshaya shkola”, 1989. – 320 p.*}
- Мошков 1893 – *Мошков В.А.* Материалы для характеристики музыкального творчества инородцев Волжско-Камского края. – I. Мелодии чувашских песен // ИОАИЭ. – Т. XI. – Вып. 1. – Казань, 1893. – С. 31–64. {*V.A. Moshkov. Materials for characterizing the musical creativity of indigenous peoples of the Volga-Kama region. – I. Melodies of Chuvash songs // IOAIE. – Vol. XI. – Issue 1. – Kazan, 1893. – PP. 31–64.*}
- НА ЧГИГН – Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук. – Отд. I. – Ед. хр. 148. {*Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities. – Archive I. – Storage unit 148.*}
- Надиров 1969 – *Надиров И.Н.* Современные игровые и плясовые песни татарского народа // Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. – Т. VI. – М.: Наука, 1969. – 472 с. {*I.N. Nadirov. Modern game and dance songs of the Tatar people // Proceedings of the 7th International Congress of Anthropological and Ethnographic Sciences. – Vol. VI. – Moscow: Nauka, 1969. – 472 p.*}
- Никитин (Юрки) 1908 – *Никитин (Юрки) И.Д.* Песни чуваш Ядринского и соседних уездов // ИОАИЭ. – Т. XXIV. – Вып. 3. – Казань, 1908. – С. 265–292. {*I.D. Nikitin (Yurki). Songs of the Chuvashes of Yadrin and neighboring counties // IOAIE. – Vol. XXIV. – Issue 3. – Kazan, 1908. – PP. 265–292.*}
- Никольский 2008 – *Никольский Н.В.* Конспект по истории народной музыки у народностей Поволжья // Н.В. Никольский. Собрание сочинений: в 4-х т. – Т. III. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. – 735 с. {*N.V. Nikol'skiy. Synopsis on the history of folk music among the peoples of the Volga region // N.V. Nikol'skiy. Collected works: in 4 vols. – Vol. III. – Cheboksary: Chuvash Book Publishing House, 2008. – 735 p.*}

- Образцы 1908 – Образцы мотивов чувашских народных песен и тексты к ним. – Симбирск: Тип. А. и М. Дмитриевых, 1908. – 116 с. {Samples of motifs of Chuvash folk songs and texts to them. – Simbirsk: A. and M. Dmitrievs' Publishing House, 1908. – 116 p.}
- Образцы 1912 – Образцы мотивов чувашских народных песен и тексты к ним. – II ч. – Сост. П.В. Пазухин. – Симбирск: Тип. Сидневой и Ко, 1912. – 110 с. {Samples of motifs of Chuvash folk songs and texts to them. – Part 2. – Comp. by: P.V. Pazukhin. – Simbirsk: Sidneva and Co. Publishing House, 1912. – 110 p.}
- Одюков 2008 – *Одюков И.И.* Чувашские народные песни-баллады // И.И. Одюков. Избранные труды 'Суйласа илнĕ ёссем' / Сост. В.А. Ендеров. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2008. – 648 с. {I.I. Odyukov. Chuvash folk songs-ballads // I.I. Odyukov. Selected works / Compiled by V.A. Yenderov. – Cheboksary: Chuvash University Publishing House, 2008. – 648 p.}
- Павлов 1926 – *Павлов Ф.* Чуваши и их песенное и музыкальное творчество. Музыкально-этнографические очерки. – Чебоксары: Общество изучения местного края, 1926. – 69 с. {F. Pavlov. The Chuvashes and their song and musical creativity. Musical and ethnographic essays. – Cheboksary: Society for the Study of the Local Region, 1926. – 69 p.}
- Песни 2011 – Песни луговых мари. – Ч. 1. – Обрядовые песни / Свод марийского фольклора / Сост. Н.В. Мушкина. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2011. – 592 с. {Songs of the meadow Mari. – Part 1. – Ritual songs / Collection of Mari folklore / Compiled by N.V. Mushkina. – Yoshkar-Ola: MarSRILLH, 2011. – 592 p.}
- Родионов 2006 – *Родионов В.Г.* Вопросы жанровой классификации чувашского фольклора // Этнос. Культура. Слово. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. – С. 3–53. {V.G. Rodionov. Issues of genre classification of Chuvash folklore // Ethnos. Culture. Word. – Cheboksary: Chuvash University Publishing House, 2006. – PP. 3–53.}
- Родионов 1982 – *Родионов В.Г.* Вопросы жанровой классификации чувашского фольклора // Чувашский фольклор. Специфика жанров. – Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1982. – С. 54–105. {V.G. Rodionov. Issues of genre classification of Chuvash folklore // Chuvash folklore. Features of genres. – Cheboksary: ChSRILLHE, 1982. – PP. 54–105.}
- Родионов 1992 – *Родионов В.Г.* Чувашский стих. Проблемы становления и развития. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1992. – 224 с. {V.G. Rodionov. Chuvash verse. Problems of formation and development. – Cheboksary: Chuvash Book Publishing House, 1992. – 224 p.}
- Романов 1960 – *Романов Н.Р.* Идеино-тематическое содержание дореволюционных чувашских песен // Вопросы чувашского языка, литературы и искусства. – Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1960. – С. 62–93. {N.R. Romanov. Ideological and thematic content of pre-revolutionary Chuvash songs // Issues of the Chuvash Language, Literature and Art. – Cheboksary: ChSRILLHE, 1960. – PP. 62–93.}
- Сбоев 1865 – *Сбоев В.А.* Чуваши в бытовом, историческом и религиозном отношениях. Их происхождение, язык, обряды, поверья, предания и пр. – М.: Тип. С. Орлова, 1865. – 188 с. {V.A. Sboev. Chuvash people in everyday, historical and religious relations. Their origin, language, rituals, beliefs, traditions, etc. – Moscow: S. Orlov's Printing House, 1865. – 188 p.}
- Сидорова 1969 – *Сидорова Е.С.* Научный архив научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР // Ученые записки ЧНИИ. – Вып. 47. – Чебоксары, 1969. – С. 216–225. {Ye.S. Sidorova. Scientific Archive of the Scientific Research Institute under the Council of Ministers of the Chuvash ASSR // Bulletin of the ChSRI. – Issue 47. – Cheboksary, 1969. – PP. 216–225.}
- Сидорова 2002 – *Сидорова Е.С.* О научном значении фонда Н.В. Никольского // Проблемы изучения научного наследия Н.В. Никольского. Материалы конференции, посвященной 120-летию со дня рождения Н.В. Никольского. – Чебоксары: ЧГИГН, 2002. – С. 47–49. {Ye.S. Sidorova. On the scientific significance of the N.V. Nikolsky Foundation // Problems of studying the scientific heritage of N.V. Nikolskiy. Proceedings of the conference dedicated to the 120th anniversary of the birth of N.V. Nikolskiy. – Cheboksary: ChSIHS (Chuvash State Institute for Humanity Studies), 2002. – PP. 47–49.}
- Сироткин 1965 – *Сироткин М.Я.* Чувашский фольклор. Очерки устно-поэтического народного творчества. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. – 132 с. {M.Ya. Sirotkin. Chuvash folklore. Essays on oral and poetic folk art. – Cheboksary: Chuvash Book Publishing House, 1965. – 132 p.}
- Смолин 1926 – *Смолин В.* Предисловие // Павлов Ф. Чуваши и их песенное и музыкальное творчество. Музыкально-этнографические очерки. – Чебоксары: Общество изучения местного края,

1926. – С. V–VI. {*V. Smolin*. Preface // F. Pavlov. Chuvashs and their song and musical creativity. Musical and ethnographic essays. – Cheboksary: Society for the Study of the Local Region, 1926. – PP. V–VI.}
- Сырнев 1901 – *Сырнев И.Н.* Население [Среднего и Нижнего Поволжья]. Замечательные населенные места и местности // Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Под редакцией В.П. Семенова [Тянь-Шанского]. – Т. 6. – СПб., 1901. – С. 111–549. {*I.N. Syrnev*. The population of the [Middle and Lower Volga region]. Wonderful populated places and localities // Russia. A complete geographical description of our Homeland. Edited by V.P. Semenov [Tyan-Shanskiy]. – Vol. 6. – St. Petersburg, 1901. – PP. 111–549.}
- Хамимьянова 2019 – *Хакимьянова А.М.* Лирические песни башкир. Поэтика. Концептосфера. – Уфа: Китап, 2019. – 160 с. {*A.M. Hakimyanova*. Lyrical songs of Bashkirs. Poetics. Conceptual sphere. – Ufa: Kitap, 2019. – 160 p.}
- Эргис 1974 – *Эргис Г.У.* Очерки по якутскому фольклору. – М.: Наука, 1974. – 402 с. {*G.U. Ergis*. Essays on Yakut folklore. – Moscow: Nauka, 1974. – 402 p.}
- Ильина 2016 – *Ильина Г.Г.* Чăваш халăх сăмахлăхĕ. Халăх прози. Вĕренÿпе методика пособийĕ. – Шупашкар: Чăваш ун-чĕн изд-ви, 2016. – 107 с. [*Г.Г. Ильина*. Чувашское устное народное творчество. Народная проза. Учебно-методическое пособие. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. унта, 2016. – 107 с.] {*G.G. Ilyina*. Chuvash oral folk art. Folk prose. Educational and methodical manual. – Cheboksary: Chuvash University Publishing House, 2016. – 107 p.} (In Chuvash.)
- Люблин 1932 – *Люблин И.* Предисловие // Максимов С.М. Тури чăвашсен юррисем. – Шупашкар: Чăвашсен патшалăх изд-ви, 1932. – С. III–XIII. [*И. Люблин*. Предисловие // Максимов С.М. Песни верховых чувашей. – Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1932. – С. III–XIII.] {*I. Lublin*. Preface // S.M. Maksimov. Songs of the Upper Chuvashs. – Cheboksary: Chuvash State Publishing House, 1932. – PP. III–XIII.} (In Chuvash.)
- Максимов 1924 – *Максимов С.М.* Чăваш кĕввисем. – 1-мĕш пайĕ. – М.: Центр. изд-во народов СССР, 1924. – 88 с. [*С.М. Максимов*. Чувашские мотивы. – Ч. 1. – М.: Централ. изд-во народов СССР, 1924. – 88 с.] {*S.M. Maksimov*. Chuvash motifs. – Part 1. – Moscow: Central Publishing House of the Peoples of the USSR, 1924. – 88 p.} (In Chuvash.)
- Максимов 1926 – *Максимов С.М.* Чăваш кĕввисем. – 2-мĕш пайĕ. – М.: Центр. изд-во народов СССР, 1926. – 54 с. [*С.М. Максимов*. Чувашские мотивы. – Ч. 2. – М.: Централ. изд-во народов СССР, 1926. – 54 с.] {*S.M. Maksimov*. Chuvash motifs. – Part 1. – Moscow: Central Publishing House of the Peoples of the USSR, 1926. – 54 p.} (In Chuvash.)
- Максимов 1932 – *Максимов С.М.* Тури чăвашсен юррисем. – Шупашкар: Чăвашсен патшалăх изд-ви, 1932. – 134 с. [*С.М. Максимов*. Песни верховых чувашей. – Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1932. – 134 с.] {*S.M. Maksimov*. Songs of the Upper Chuvashs. – Cheboksary: Chuvash State Publishing House, 1932. – 134 p.} (In Chuvash.)
- Чăваш халăх сăмахлăхĕн пуххи 1994 – Чăваш халăх сăмахлăхĕн пуххи. Проспект. Сост. *В.Г. Родионов* // Сăмах = Слово. Тĕпчевсемпе текстсем = Исследования и тексты. – Чебоксары: ЧГИГН, 1994. – 122 с. [Сборник чувашской народной словесности. Проспект. Сост. *В.Г. Родионов* // Сăмах = Слово. Исследования и тексты. – Чебоксары: ЧГИГН, 1994. – 122 с.] {Collection of Chuvash folk literature. A Catalogue. Compiled by *V.G. Rodionov* // *Sămach* = Word. Researches and texts. – Cheboksary: ChSIHS, 1994. – 122 p.} (In Chuvash.)
- Чăваш фольклорĕ 1949 – Чăваш фольклорĕ. – *И. Тукташ* хатĕрленĕ. – Шупашкар: Чăвашгосиздат, 1949. – 328 с. [Чувашский фольклор. – Сост. *И. Тукташ*. – Чебоксары: Чувашгосиздат, 1949. – 328 с.] {Chuvash folklore. – Compiled by *I. Tuktash*. – Cheboksary: Chuvash State Publishing House, 1949. – 328 p.} (In Chuvash.)
- Чăваш халăх сăмахлăхĕ 1978 – Чăваш халăх сăмахлăхĕ. – 6 томлăх. – III т. – Юрăсем. – *И.И. Одюковна*, *Г.Ф. Юмарт* пухса хатĕрленĕ. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1978. – 506 с. [Чувашское устное народное творчество. – В 6 т. – Том III. – Сост. *И.И. Одюковна* и *Г.Ф. Юмарт*. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1978. – 506 с.] {Chuvash oral folk art. – In 6 vols. – Vol. 3. – Compiled by *I.I. Odyukovna* and *G.F. Yumart*. – Cheboksary: Chuvash Book Publishing House, 1978. – 506 p.} (In Chuvash.)
- Юмарт 2013 – *Юмарт Г.Ф.* Чăваш юррисен пуялăхĕ. Ёспе йăла юррисен ушкăнĕсем // Чăваш халăх пултарулăхĕ. Ёспе йăла юррисем. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2013. – 541 с.

[Г.Ф. Юмарт. Богатство чувашских песен. Жанры трудовых и бытовых песен // Чувашское народное творчество. Трудовые и бытовые песни. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2013. – 541 с.] {G.F. Yumart. The wealth of Chuvash songs. Genres of labor and household songs // Chuvash folk art. Labor and household songs. – Cheboksary: Chuvash Book Publishing House, 2013. – 541 p.} (In Chuvash.)